

мессианском предназначении русского народа и вообще не пользовался определением “Святая Русь”» (с. 37). Политические убеждения Победоносцева, принципиально отвергавшего либерализм и парламентаризм, органически сочетались с глубокими и искренними религиозными убеждениями. Стержневая проблема пореформенной России для него – сохранение традиционной народной религиозности. И причины неудачного исхода реформ он, в отличие от Каткова, указывавшего на «польскую справу», искал во внутреннем состоянии русского общества. Причем, если Мещерский и Достоевский видели в католицизме прежде всего главного врага православия в Западном крае, то Победоносцев скорее «открыто сочувствует гонимой религии и не видит никаких перспектив в поддержке старокатолического движения».

Совсем не кажется надуманной и затронутая автором статьи проблема «Победоносцев и народничество». Решительно борясь с социализмом и атеизмом, Победоносцев, как и его противники из радикального лагеря, апеллировал к цельному, не испорченному цивилизацией, народному мирозерцанию. «Своеобразное народничество православного стиля» сближало его с Достоевским, который, правда, связывал свои надежды и с интеллигенци-

ей, способной слиться с народом и усвоить его самосознание. Победоносцев относился к возможностям тонкого культурного слоя скептически. Основная тяжесть духовного просвещения народа должна была лечь, по его мнению, на плечи провинциального духовенства. Любые же внешние преобразования, без коренного перелома в сознании общества, без укрепления веры, казались ему опасными и только усугубляющими критическую ситуацию в стране. Здесь, полагает Ведерников, кроется разгадка еще одного парадокса Победоносцева – его противостояния не только реформам Александра II, но и большей части контрреформ Александра III.

К чести составителя сборника, он никогда не выходит за границы научной объективности и не пытается превратить предмет исследования в знамя собственных идеологических пристрастий. В дальнейшем труд В.В. Ведерникова безусловно послужит надежной опорой как для создания научной биографии, так и для издания полного собрания сочинений и писем К.П. Победоносцева.

**В.А. Китаев, доктор исторических наук
(Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского)**

А.Г. Голиков, И.С. Рыбаченок. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М.: ИРИ РАН, 2010. 328 с., ил.

Неожиданная по названию и, во всяком случае, не тривиальная по избранной теме монография профессора МГУ им. М.В. Ломоносова А.Г. Голикова и ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН И.С. Рыбаченко находится в русле изучения карикатуры как части широкого культурно-политического и философского дискурса¹ и одновременно объединяет базовые профессиональные интересы авторов. Голиков – известный источниковед, а Рыбаченок – не менее признанный знаток истории внешней политики России конца XIX – начала XX в., прежде всего русско-французских отношений.

Обращение историков к теме политической сатиры и особенно сатирической графики – явление само по себе нечастое и, как правило, адресное², а применительно к «сквозным» внешнеполитическим сюжетам – уникальное и, сразу скажем, актуальное и вполне закономерное. Начало разработки этого направления мирового «карикатуроведения» (применительно к рубежу XIX–XX вв.) в оте-

чественной историографии положила сама Рыбаченок³, Голиков в числе прочего разрабатывает проблемы источниковой значимости отечественной сатирической графики⁴.

Внимание к сатирической графике обусловлено самой природой смеха как мощного орудия коммуникации и политической карикатуры как разновидности креолизованных (вербально-невербальных) текстов. Политическая карикатура – это одновременно и художественное произведение, и оружие политической борьбы, и «зеркало современности», и барометр общественного мнения, и эффективное средство формирования его самого. Как известно, текстовая информация усваивается в среднем лишь на 7%, тогда как информация более богатого по образному контенту визуального послания воспринимается до 50% и более⁵. Авторы рецензируемой книги справедливо замечают, что для карикатуриста как врачавателя общественных «помрачений», говорящего на всем понятном «языке улицы», «нет запретных тем и неприкасаемых лиц» (с. 32,

47), в то время как «слово человека ничтожным стало у людей»⁶. Если, наконец, учесть массовое тиражирование произведений сатирической графики, их доступность и популярность, станет ясно, какое масштабное влияние творчество карикатуристов могло оказывать на общественные умянастроения и на формирование «образа» той или иной страны в мире.

Все это делает карикатуру для историка не просто сопутствующим, иллюстративным материалом исследования (что в подавляющем числе случаев мы до сих пор наблюдаем в историографии), а важным социокультурным феноменом, являющимся одновременно фактором общественного сознания определенной эпохи и своеобразным источником информации о самом изучаемом объекте или событии. Другими словами, в оксюморне, вынесенном в заголовок книги («смех – дело серьезное»), заложен глубокий смысл. Вместе с тем нельзя не согласиться с авторами рецензируемой монографии в том, что комплексное, многомерное и адекватное представление о прошлом сатирическая графика способна дать не сама по себе, а лишь «в сочетании с другими источниками» (с. 295).

Голиков и Рыбаченок сознательно избегают теоретических дебей когнитивной лингвистики, но и не пытаются свести дело к пересказу содержания и художественно-образовательной оценке публикуемой коллекции карикатур (всего в книгу включено свыше 200 произведений этого жанра). Их цель иная: «показать, как некоторые наиболее значимые события и явления российской истории и международных отношений рубежа XIX–XX веков отражены в произведениях отечественной и зарубежной сатирической графики», опубликованных в массовой периодической печати (с. 6), и одновременно расшифровать «послание», заключенное в каждой карикатуре, «встроив» его в конкретно-исторический контекст. Выводы и наблюдения этих историков удивительным образом совпадают с заключениями лингвистов относительно образной системы карикатуры как явления, ее метафоричности в целом.

Первые главы книги посвящены месту карикатуры в истории человечества и общей характеристике этого образительного жанра в Западной Европе и, особенно, в России. Читатель узнает, что на рубеже XIX–XX вв. в ведущих западноевропейских государствах и в США выходило несколько десятков периодических изданий, регулярно публиковавших карикатуры или прямо специализировавшихся на них (7 во Франции, 6 в Германии и т.д.). В России, где издания такого рода из-за цензурных ограничений начали появляться лишь

в середине XIX в., выходили журналы карикатур «Развлечение» (1859–1918), «Будильник» (1865–1917), «Шут» (1879–1914), «Стрекоза» (1875–1918), в начале XX в. к ним прибавились «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». В контексте характеристики положения отечественной печати в пореформенное время в монографии прослежены технические усовершенствования в печатном деле на протяжении XIX в. (путь от офорта и литографии к ксилографии и фотомеханической печати), приведены сведения об истории карикатуры, ее собирателях и исследователях, о «королях» жанра – ведущих карикатуристах зарубежных и отечественных повременных изданий. Заключительные главы работы посвящены отражению в мировой политической карикатуре важнейших событий отечественной истории начала XX в. (революции 1905 и 1917 гг., конституционные реформы).

Что касается второй главной сюжетной линии книги («Россия и мир»), то на ее страницах мы находим сведения о восприятии мировым сообществом через карикатуру ключевых событий международной жизни рубежа XIX–XX вв., начиная с оформления Тройственного союза в 1882 г. до русско-японской войны 1904–1905 гг. включительно (межвоенный период и Первая мировая война почему-то остались за рамками исследования). Впечатляет и «парад» персонажей карикатур. В их числе императоры Александр III, Вильгельм II и Николай II (его графическому сатирическому образу посвящена отдельная глава работы), султан Абдул-Хамид II и король Эдуард VII, президенты М.Ф.С. Карно, Т. Рузвельт и П. Крюгер, министры А. Бальфур, Дж. Чемберлен, Ж. Кайо, П.А. Валуев, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин. Авторы книги анализируют гротескные графические изображения таких прочно осевших в общественном сознании клише, как «европейский концерт», «политическая кухня», «равновесие сил» и т.д.

Несомненной заслугой авторов является то, что они улавливают и формулируют национальную специфику политической карикатуры – российскую, французскую, немецкую, британскую, американскую. Голиков и Рыбаченок не скрывают своих симпатий именно к французской карикатуре: по их мнению, рисунки представителей этой страны особенно «остроумны, эмоциональны, выполнены с юмором и вкусом к нюансам. При этом художники всегда сохраняют чувство меры, а карикатуры, даже если они слегка фривольны, никогда не бывают пошлыми» (с. 101). В качестве отличительной черты отечественных карикатуристов указывается «активное использование намеков и иносказаний» (с. 28). В то

же время, заключают авторы, в своих лучших образцах как западноевропейская, так и отечественная сатирическая графика поднимались до уровня «философского обобщения» происходящих в мире событий (с. 35).

К уязвимым сторонам книги следует отнести недостаточное внимание к карикатурам, появившимся в англоязычной печати, особенно американской, в частности к воскресным приложениям «The New York Times», страницы которых были заполнены сатирическими зарисовками на злобу дня мировой политики. Обращение к этому влиятельному изданию было бы тем более уместно, поскольку в первые годы XX в. мировое первенство по части новостной осведомленности стало постепенно переходить к США. Осенью 1904 г. редакция этой газеты торжественно объявила, что именно «Нью-Йорк быстро превращается, а во многих отношениях уже превратился, в мировой новостной центр, придя на место Лондону»⁷. Дальнейшей проработки требует и такой непростой вопрос, как место и роль политического заказа в истории карикатуры – в книге он лишь намечен.

В общем, как показывает рецензируемая монография, история – не такая уж безнадежно унылая и скучная наука⁸, как порой представляется нашим собратьям по гуманитарному «цеху». Жаль, что живо написанная, прекрасно полиграфически исполненная и богато иллюстрированная книга А.Г. Голикова и И.С. Рыбаченко выпущена столь малым тиражом.

**Д.Б. Павлов, доктор исторических наук
(Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет)**

К.А. Соловьев. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899–1905. М.: РОССПЭН, 2009. 287 с.

Монография молодого историка К.А. Соловьева представляет собой переработанный вариант кандидатской диссертации, подготовленной под научным руководством В.В. Шелохаева и успешно защищенной в 2004 г. Она является индивидуальным исследовательским проектом, который вписывается в крупномасштабный, весьма плодотворный и невероятно плодотворный коллективный проект фронтального и систематического изучения российской общественной мысли XVIII–XX вв. Соловьев также принимает в нем деятельное участие¹.

Нужно сказать, что объединению «Беседа» в историографической традиции не очень повезло. Во-первых, ее история до сих пор

Примечания

¹ См., например: *Дмитриев А.В.* Социология юмора. Очерки. М., 1996; *International Review of Social History.* Vol. 52. Supplement 15. *Humor and Social Protest* (Preface). Amsterdam, 2007; *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Мы и они в зеркале анекдота // *Отечественные записки.* 2007. № 1: *Ворошилова М.Б.* Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // *Политическая лингвистика.* Вып. 1(31). Екатеринбург, 2010.

² См., например: *Лики семнадцатого: (1917 год в политических портретах Ю.К. Арцыбушева) / Публ. О. Зимарина и Д. Павлова. М., 1991; Ячница всмятку, или Несерьезно о серьезном: над кем и над чем смеялись в России в 1917 г. М., 1992; Ватлин А.Ю., Малащенко Л.Н.* История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007.

³ *Рыбаченок И.С.* Россия и Франция: союз интересов и союз сердец, 1891–1897 гг.: Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М., 2004; *она же.* Русско-французский союз конца XIX в. в политической карикатуре // *Россия и Франция XIII–XX века.* М., 2006.

⁴ *Голиков А.Г.* Исторический источник в свете учения об информации: теория, практика, возможности (политическая карикатура периода революции 1905–1907 гг.) // *Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке: Материалы IV научных чтений, посвященных памяти академика И.Д. Ковальченко.* М., 2009.

⁵ *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика.* Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007.

⁶ *Русский вестник.* 1904. Т. 291. Июнь. С. 910.

⁷ *The New York Times.* 1904. September 25. Sunday Supplement. P. 5.

⁸ *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С. 118.